

Андрей Драгунов

Всё у нас живо

*(Повесть о роде Андреевых и роли
царя Николая II в духовном возрождении России)*

**Главы
3-4**

Всё у нас живо. Главы 3-4

Жанр произведения: Историческое

[Произведение написал автор BookVox Андрей Драгунов](#)

[Ссылка на публикацию](#)

Глава 3. С белых ночей на Аничковом мосту Вся следующая неделя для трёх воспитанников лейб-гвардии Семёновского полка и трёх девиц, в доме номер пять на Малой Конюшенной, тянулась необычно долго. И вот в воскресный день, в половине двенадцатого, три молодых семёновца в тёмно-зелёных парадных мундирах с золотыми погонами, с четырьмя плотненькими букетиками цветов в

руках, позвонили в колокольчик дома Галицких.

Дверь им отомкнул слуга. И к ним по лестнице, разводя руками, спустился граф Михаил Галицкий. Он с каждым быстро и крепко поздоровался и почти скороговоркою произнёс:

– Господа семёновцы, там наверху всё ещё сервируют стол! А потому, с позволения наших дам, я предложу вам одну игру, достойную Генерального штаба! Диспозиция такова. Три ваших полка атакуют мой корпус, занимающий флешу, стоящие у речки и на холме. И у вас, и у меня имеется подвижная артиллерия – шуваловские единороги. Вы отдаёте свои приказы, а я отдаю свои. Я буду сам оценивать результат, и все реальные продвижения, и примерный счёт. Сейчас грянет бой! И вот вопрос. Смогу ли я под вашим натиском устоять? Пойдёмте же! На всё нам дамы дали тридцать минут...

При этом Михаил Львович жестом пригласил трёх семёновцев за собой и устремился по полутёмному коридору. А те, с недоумением посмотрев друг на друга, опустили цветы и послушно последовали за ним...

А в большой и довольно уютной гостиной второго этажа к приходу гостей всё было готово. Против входной двери, кто в креслах, а кто и на диване, сидели три девушки в нарядных летних платьях, с красиво убранными волосами.

Когда в ту дверь вошла Юлия Филипповна, то она театрально всплеснула руками и торопливо произнесла:

– Ах, вы голубушки мои! Этот несносный Мишель всех ваших кавалеров взял в плен и их конвоировал их в Батальный зал! Он всех наших гостей туда водит. И бывают такие моменты, когда нам, женщинам, лучше помолчать... У Мишеля моего есть страсть, и хорошо хоть ребяческая! Это любовь к лейб-гвардии Семёновскому полку, ко всей армейской амуниции, побывавшей в боях, и ещё, вы не поверите, – к оловянным солдатикам! Ну, что я могу с ним сделать?! К нему же в дом пришли семёновцы! Ещё минут двадцать терпения. Он мне клятвенно обещал!

– Так кто же пришёл к нам, тётушка? И сколько их? – глядя перед собою, спросила её Полина.

– Генерал-майор Шильдер, конечно же, прийти не смог. Но вот три сына его пришли, – уже обычным тоном своим ответила графиня Галицкая. Потом она резко повернулась к девицам и, погрозив им пальчиком, произнесла:

– Когда, мои голубушки, мы сядем за стол, то вам позволительно пощебетать. Но когда нам принесут десерт, то чтобы я ни сказала – ваше дело глядеть вниз и краснеть! И не дай Бог, какая мышка пискнет! И потом не вздумайте дуться на меня! Со временем вы всё поймёте. Надо же их проверить...

Вскоре в верхнюю гостиную вошли с поклонами мужчины и сразу же поднесли всем четырём дамам по букетику цветов.

На это Юлия Филиповна сказала:

– Спасибо, господа семёновцы, за цветы! Но прежде, чем мы отобедаем, расскажите нам что-нибудь о себе. Где вы живёте, чем живёте и что делаете?

Все молодые военные посоветовались. Затем шагнул вперёд унтер-офицер Владимир Томилов, танцевавший на балу с Амелией, и размеренно произнёс:

– Мы все трое являемся воспитанниками лейб-гвардии Семёновского полка. Живём в расположении полка, в отдельных комнатах, рядом с иными офицерами. Пять полных дней в неделю даны нам на учёбу. Все мы учимся, ныне уже на четвёртом курсе Механического факультета императорского политехнического института. По субботам нас ставят в разные наряды по полку. А по воскресеньям мы имеем законный выходной со свободным выходом в город. Раз в полгода, нас обязательно ставят разводящими в охрану Зимнего дворца, где мы несём службу одну неделю. Только что мы в институте сдали сессию за третий курс и стали четвёрокурсниками. По окончании пятого курса и защиты инженерных дипломов мы станем механиками и будем произведены в офицеры.

Потом рядом с Владимиром встал и фельдфебель Александр Синицын, танцевавший всё более с Александрой, и куда более увлеченно продолжил:

– А ещё мы с Володькой входим в состав Группы воздухоплавания доцента Александра Дудина. Военное министерство уже второй год даёт институту деньги на анализ и систематизацию и всех материалов по аэропланам. Мы и сами моделируем аэропланы. Недавно в западных странах в области самолётостроения произошёл прорыв. Современные аэропланы свободно взлетают, выполняют набор высоты до двухсот метров, делают развороты в воздухе и благополучно приземляются. Рекорд продолжительности полёта составляет уже более получаса!

Но первенство в области воздухоплавания всё равно навсегда останется за Россией! Четверть века назад наш генерал-майор Александр Фёдорович Можайский построил на собственные деньги первый в мире летательный аппарат. И он своей идеей заразил весь мир! Аэроплан Можайского имел две

паровые машины мощностью в 20 и 10 лошадиных сил. Его аппарат только лишь на мгновение сумел оторваться от земли, а потом завалился набок и сломал крыло. Его бесценные паровые машины ныне хранятся на Балтийском судостроительном заводе. Но сейчас на западе авиаторы ставят на самолёты автомобильные двигатели.

И тут между Владимиром и Александром встал мой прадедушка, обнял их за плечи и сказал:

– Эти вот два молодца только о небе и говорят и даже во сне летают. Ну куда от них деться? Я изучаю для них мудрёные бензиновые двигатели. Два основных недостатка автомобильных двигателей – это их малая мощность и большой вес. Уже очевидно, что для самолётов нужно создать специальные двигатели, работающие на керосине... Но самому мне куда интересней вопросы связи. Потому я состою в Телеграфной группе, перед которой Военным министерством поставлена задача – соединить электрические сигналы с печатною машинкой. И ещё, по решению заведующего нашей кафедры, я включён в Группу разработки сейфовых замков. Если бы вы нас в сейфовой лаборатории только видели, то решили бы, что это больница. Все мы ходим там в белых халатах со слуховыми трубочками в руках. И скажу вам, дамы и господа по секрету, что Государственный банк Российской империи куда щедрей Военного министерства!

– А ещё у нас в институте идут великие перемены! – на той же высокой ноте добавил Владимир Томилов. – К нам в институт, с нового учебного года, на все кафедры будут принимать и девиц! Как вам такой вот пассаж – инженер-дама?

При этом, все кто был в верхней гостиной, заулыбались. И Юлия Филипповна со всею своею любезностью произнесла:

– А теперь, дамы и господа, прошу вас за наш овальный стол! Устраивайтесь, кому где удобно.

И все молодые люди расселась парами, как они и танцевали на балу. Во время всего обеда Владимир с Амелией и Александр с Александрю о чём-то негромко беседовали. Полина с Василием говорили как-то односложно с всё больше молчали. Иногда, в связи с блюдами на столе, что-то говорила Юлия Филипповна.

Три молодые служанки в форменных платьях всё время что-то приносили к столу. Когда же и с первыми, и со вторыми блюдами было покончено, были поданы тонкостенные чашки с блюдцами из белого фарфора с золотыми каёмочками. В центр стола был водружен большой сметанный торт с

ванильными цветами и вишенками, а также уже нарезанные на дольки вишнёвый и яблочный пироги. А ещё там была всякая сдоба и несколько видов густого варенья.

Когда и с десертом в основном было уже покончено, Юлия Филипповна, окинув всех взглядом, с улыбкой произнесла.

– А теперь, дамы и господа, я хочу предложить вам одну игру, достойную наших белых ночей... Вот вы, Василий Корнеевич, всё больше молчите. И если уж так, то давайте мы начнём с вас. Не могли бы вы мне первым ответить только на один вопрос?

– Весьма охотно, Юлия Филипповна, – откинувшись на спинку стула, ответил тот.

– Ну, вот и хорошо. Только я извиняюсь за прямоту. Такие уж у нас дамские игры. И вот, извольте, вопрос... Смогли бы вы, Василий Корнеевич, взять в жены девушку, которая вам понравилась, но у которой, как выяснилось, имеется один изъян? Положим, она, как и вы, из дворян, собою весьма хороша и во многих отношениях достойна похвал. Но, увы, она – сирота-бесприданница, да к тому же и католичка. Взять себе привилегию, чтобы снимать комнаты в хорошем доходном доме и посещать Екатерининский институт свободно, из-за скромности дохода она не может. И потому ей приходится жить в большом дортуаре, где стоит двадцать две койки, казённые одеяла тонки, ну а печи истопникам всю зиму свыше четырнадцати градусов в помещениях топить не велено. Классные дамы в Екатерининском – сама строгость, а единство формы равняет всех. Девица та отдала себя на сии муки за престижный Екатерининский диплом. Ведь он будет ходатаем за неё и позволит ей получить место гувернантки в любом дворянском доме и даже при великокняжеской семье.

И вот ответьте мне, Василий Корнеевич, в порядке игры, конечно же. Как бы вы поступили при сей диспозиции? Однако я понимаю, что тема сия щепетильна, и потому вы можете на вопрос мой не отвечать.

При этом все три девицы, сидевшие за столом, опустили глаза, и их, действительно, бросило в краску. Они были похожи на бабочек, пришпиленных булавками к листу.

Но мой прадедущка при этом нисколько не смутился. Когда говорила хозяйка, он просто смотрел куда-то вдаль, а затем размеренным голосом дал ей ответ:

– Смею доложить вам, любезная Юлия Филипповна, что для меня сей изъян не стал бы помехой. Бедность это ведь не порок. Все действия девицы той одобряю.

Я тоже ведь сирота и всего добиваюсь сам. Но уже через два года я получу уникальную гражданскую специальность, офицерский чин, и смогу сам содержать свою семью. Получив чин офицера, как воспитанник лейб-гвардии Семёновского полка, я смогу либо перевестись в любой пронумерованный полк, или остаться в Семёновском в Санкт-Петербурге...

Но у меня к той девице будет одно условие. Дело в том, что я непременно хочу быть венчанным. А потому она должна будет принять православие.

– Очень похвально, Василий Корнеевич, – даже похлопав в ладоши, сказала тётя Юлия и добавила: – Но раз так, то давайте и дальше продолжим нашу игру. И теперь у меня есть вопрос к вам, Полина Леонтьевна. Ну, просто так, по ходу игры. И вы вовсе не обязаны мне на него отвечать. Так вот... не станет ли для вас, Полина Леонтьевна, преградой к браку с тем молодым человеком, который вам чем-то понравился, вот такое его условие?

При этом моя прабабушка сразу же и вполне твёрдо произнесла:

– Да, на такое условие своего избранника я была бы согласна.

– Как я вас понимаю! – всплеснув пуками, сказала тётя Юлия и объявила: – Ну раз так, то мы на этом закончим нашу игру. Если кого-то я нечаянно уколола, то прошу покорнейше меня простить. И согласитесь, господа семёновцы, что у нас в верхней гостиной баталии куда интересней, чем внизу, у вас. А что нам на всё это скажет Михаил Львович, как весьма опытный хранитель дворцовых тайн?

– Да то и скажу, Юлия Филипповна, что вам бы пагоны полного генерала от гофмаршала получить, – с каким-то рассеянным видом ответил тот. – Но будьте во мне уверены, мадам: уж если мне доверена тайна, то я смогу её сохранить.

И вот затем поднялась Полина Леонтьевна и, вопросительно посмотрев на Галицких, произнесла:

– К сожалению, нам с Амелией уже пора...

Рядом с ней поднялся и Василий Корнеевич и, также посмотрев на хозяев, очень почтительно произнёс:

– Уважаемые, Юлия Филипповна и Михаил Львович, мы все трое благодарим вас за честь посетить этот прекрасный дом и отобедать вместе с вами. Ваш стол был очень хорош... Вот нынче в Санкт-Петербурге нас радует погода! И мы все трое сочли бы за честь проводить Полину Леонтьевну и Амелию Леонтьевну до Екатерининского по Невскому, пешком. Тут ведь недалеко... Возможно ли нам надеяться?

Тётя Юлия посмотрела на него очень внимательно и ровным тоном произнесла:

– У сёстёр Ставинских есть свой опекун. И все решенья по небольшим вопросам он позволяет им принимать самим...

По небольшой Малой Конюшенной улице все молодые люди шли гурьбой, под общий разговор про Санкт-Петербургских чижиков-пыжиков. А на Невском проспекте, с его лавками и торговыми домами и яркими вывесками над ними, где в обе стороны ходило много хорошо одетых людей, Амелия с Александром и Владимиром пошли впереди, а Полина с Василием – вослед за ними. Первые всё время о чём-то говорили и даже смеялись, а вот вторым хорошо было рядом идти и без слов.

И моя прабабушка, должно быть, так, для разговора, у прадедушки спросила:

– А вы не знаете, Василий Корнеевич, почему второго русского царя из рода Романовых прозвали Тишайшим?

Он же ответил ей так:

– Той истории я не знаю... Но царь Алексей Михайлович был человеком весьма верующим. Он знал, что Бог есть только лишь в молитвенной тишине, и где-нибудь мог сказать: «Там где есть тишина – можно всегда услышать Бога».

И так как тогда трое идущих впереди засмеялась, то прадедушка и прабабушка сбавили шаг и вскоре от них отстали.

А потом прабабушка вновь спросила у прадедушки:

– Василий Корнеевич, вот сегодня перед обедом вы о себе мало сказали. Расскажите, откуда вы родом?

И он поведал ей следующее:

– Род мой, Полина Леонтьевна, связан с белорусским городом Могилёв, но никого из родни своей я не знаю. Мне только известно, что отец мой был полковником и где-то погиб при исполнении долга. А моя мама умерла, когда мне исполнился один год. Потом, почему-то, меня доставили в Санкт-Петербург. И здесь, исходя из давней армейской традиции, по личному указанию императора Александра III, я был определён в сыновья лейб-гвардии Семёновского полка.

У нас в Семёновском есть своя средняя школа, и мы – с Володей и Сашкой – отучились все её классы бок о бок со взрослыми солдатами. И мы всегда и по всем предметам отвечали лучше их. Для получения высшего образования, со

льготой сына Семёновского полка, я мог бы учиться где угодно, и даже в Императорском Санкт-Петербургском университете. Но друзья мои любят технику, а я люблю их. Вот мы и пошли все вместе учиться в Императорский политехнический институт. Тем более, что он от нас рядом. Сейчас я не жалею об этом.

Участие государя Александра III в моей судьбе говорит о том, что отец мой совершил какой-то подвиг. Но где и какой? После победоносной русско-турецкой войны 1877-1878 годов Россия никаких военных действий более не вела...

И вот у меня есть мечта – однажды приехать в офицерском чине в город Могилёв и поклониться месту рождения своего. И скоро уже я смогу это исполнить. В родном городе я обязательно приду в его Дворянское собрание, узнаю что-нибудь о моих родителях и, наверное, найду свою дальнюю родню... Ну, а пока в моей жизни есть только Санкт-Петербург и два особых места в нём. Это гостиный дом лейб-гвардии Семёновского полка и сиротский дом на самой его окраине, возле женского монастыря...

– Выходит, Василий Корнеевич, вы отслужили в нижних чинах в Семёновском даже больше, чем граф Суворов, – как-то очень трогательно сказала Полина.

– Да, если смотреть по полковым спискам, то больше...

– А вот вы, Василий Корнеевич, Зимний дворец охраняете. А были ли при вас там какие-то происшествия?

– Ну нет, Бог миловал. Но мне известны два таких вопиющих случая. В сентябре 1879 года под царской столовой, в полдень, народоволец устроил взрыв. Но, слава Богу, сам император Александр II и все бывшие с ним находились тогда в другой зале. Царь ждал на обед иностранцев, а «Норд-Экспресс», приходящий на Варшавский вокзал, тогда на полчаса опоздал. Преступник этого не учёл... При взрыве погибло 11 солдат лейб-гвардии Финляндского полка, и ещё 56 было ранено. Все погибшие оказались ветеранами русско-турецкой войны. Их семьи были зачислены на вечный пансион. И всем солдатам того караула были вручены награды или денежные премии.

А второй форс-мажор был недавно – на водосвятие 1905 года. При производстве салюта в Петропавловской крепости одно орудие оказалось заряжено картечью, и оно ударило прямо по окнам Зимнего дворца. Над головой Николая II срубило древко его хоругви. Говорят, что при этом у императора ни один мускул не дрогнул, в его глазах была бесконечная грусть, и он сказал: «До восемнадцатого года я ничего не боюсь». Во дворце из-за того выстрела не пострадал никто. Во дворе его одного только городского по фамилии Романов слегка задело. А

офицера Кравцова, командовавшего стрельбой, государь простил...

– Ваша Белоруссия и моя Польша находятся рядом... – потом задумчиво произнесла прабабушка, и, как бы спохватившись, она спросила: – Ой, Василий Корнеевич, а что же вам было от генерала? За все ваши нарушения и простои на балу?

На это мой прадедущка улыбнулся и сказал:

– Генерал-майор Шильдер нам, действительно, устроил детальнейший разбор. Саньке и Володьке «за успехи на балу» дал он по два дополнительных выходных. А мне «за боевую смекалку» – пять выходных дал! Но дни эти я могу отгулять только летом – до начала занятий в институте.

И вот, Полина Леонтьевна, ну, пожалуйста, вы помогите мне их отгулять! Я могу взять нам билеты в какой-нибудь театр или в цирк на Фонтанке. Если вы любите танцевать – я возьму билеты на платный бал. У нас в Санкт-Петербурге их почему-то во всех кондитерских продают. А ещё, быть может, вы знаете? Здесь на Невском, Электрический театр есть. В нём под музыкальный аккомпанементдвигающиеся картинки показывают. Это очень необычное зрелище. Вчера вечером под нашими окнами мальчишка-газетчик кричал: «Господа офицеры, приглашайте дам в Электрический театр! Всю следующую неделю в нём будут показывать две люмьеровские ленты – «Церемония коронации Николая II» и комедия про какого-то Достоевского – «Идиот»!»! Куда вы, Полина Леонтьевна, хотите пойти?

– Мне нравится бывать в драматическом театре, – негромко сказала она. – Но мы, в Екатерининском, учимся круглый год. Мне можно выходить в город только по воскресеньям с девяти утра до шести вечера. А для того, чтобы выйти и на неделе, необходимо письменное прошение опекуна... Вы возьмите нам билеты на другое воскресенье, куда-нибудь на ваш вкус.

Но вот и Аничков мост над Фонтанкою, Василий Корнеевич. Вот мы видим с него Аничков дворец, Шуваловский дворец и наш Екатерининский институт. Спасибо, что проводили. Тут мы с вами и расстанемся...

– Пойдите же, Полина Леонтьевна, – почти что воскликнул мой прадедущка. – Мы же не посмотрели ещё и в четвёртую сторону! Взгляните – там, к югу и юго-западу располагается Санкт-Петербургская слобода – Семенцы.

Посмотрев на указанную им преимущественно двухэтажную городскую застройку прабабушка опустила глаза и спросила:

– И что это здесь, у Аничкова моста, рабочие делают? Быть может, вы, Василий Корнеевич, знаете, кем был тот Аничков, в честь которого здесь назван и мост, и сам царский дворец?

– Отчего же, знаю, – ответил прадедушка. – При Петре I граница Санкт-Петербурга проходила именно здесь, по Фонтанке. По указу Петра подполковник-инженер Михаил Аничков, с вверенным ему рабочим батальоном, выстроил на продолжении улицы Невской деревянный мост длиной 200 метров. Самый первый Аничков мост имел подъёмные щиты для проводки мачтовых судов. Тот же рабочий батальон прорубил в сосновом лесу, от реки Фонтанки до Обводного канала и Семёновского плаца, перекрещивающиеся просеки, которые потом стали улицами. В лейб-гвардии Семёновском полку в те годы служили одни только дворяне. Вот они-то и построили среди этих сосен хорошие каменные дома. Оттого всё это и называется – Семенцы.

Нынешний каменный мост через Фонтанку, шириною в тридцать два метра, был построен сто двадцать лет назад, одновременно с её гранитными набережными. Но сейчас Аничкову мосту требуется ремонт, так как его гранитная облицовка начала отходить от кирпичной кладки. Как говорили у нас в институте, он будет усилен железными клёпаными балками, с упором на свои устои.

А вон там, за Фонтанкой, через пять кварталов, расквартирован лейб-гвардии Семёновский полк. И чуть дальше высится наш Политехнический институт.

– Василий Корнеевич, а вот если было бы всё возможно, то где в Санкт-Петербурге вам хотелось бы жить?

И дедушка сказал ей так:

– Мне так видится, что Исаакиевский Собор, Зимний дворец и Адмиралтейство – это голова Санкт-Петербурга, а вот Аничков мост и всё, что с него можно увидеть на красно-гранитных набережных Фонтанки и на Невском проспекте – это его сердце!

Если было бы всё возможно, то я бы хотел жить здесь, в Семенцах. Да вот, хотя бы в этих трёхэтажных доходных домах. Там комнаты весьма хороши, но они стоят дорого. И ни один из тех двухэтажных домов, что идут до Семёновского плаца, мне никогда не купить. Любой из них стоит целое состояние. Но я могу снять для семьи своей вполне приличные офицерские апартаменты возле Александро-Невской лавры...

– До свидания Василий Корнеевич! Вы меня дальше не провожайте, а то наши девочки вас увидят и меня со свету сживут, – торопливо сказала прабабушка и

хотела уже уйти.

И тут мой прадедущка воскликнул снова:

– Пойдите, Полина Леонтьевна! Нам же самое главное осталось! Генерал увольнения меня не лишил, Галицкие нам проводить вас разрешили, прямо из сердца Санкт-Петербурга мы на все четыре стороны посмотрели, и вот теперь на моей ладони лежат два кольца...

Знаете, Полина Леонтьевна, увидав вас у Александровской колонны, я не смог вас больше забыть. В Зимнем дворце я нашёл замечательный портрет святого Серафима Саровского. На нём он выписан как живой. Вот я и попросил у того святого, как у живого, чтобы он, если это ко благу, устроил нам с вами встречу. И я пообещал ему, что если мы встретимся и составим семью, то я устрою в своей комнате большой иконостас и найду для него самые лучшие иконы... А по возвращении из того караула мне вручили приглашение на бал в Шуваловский дворец. А когда я увидел вас на балу, то подумал, что не иначе это святой мне помог – что это судьба...

Когда же наш офицер подсказал мне, кто ваши опекуны – я испугался. Ведь вы оказались рядом со мною, нетитулованным дворянином, слишком уж высоки. Но потом я подумал, что если святой всё это знал, и всё равно устроил нам встречу, то мне следует действовать. И вот я осмелился, без всякой записки пригласить нас на польский. Из разговора я понял, что мы с вами, действительно, во многом близки. А вот теперь, когда всё открылось, и оказалось, что мы стоим вровень с вами, то я от всего сердца вам предлагаю своё кольцо! Помолвка – это только начало пути к супружеству, а для окончательного решения у нас будет ещё целый год. Ну, что вы скажете, Полина Леонтьевна?

– И у меня на Дворцовой площади на сердце что-то было, – призналась ему Полина. – А игра Юлии Филипповны была несносна... Ну, конечно же, всё это так безрассудно, но мне очень хочется надеть на палец ваше кольцо...

И мои прадедущка и прабабушки взяли те кольца и обменялись ими прямо на Аничковом мосту.

– Полина Леонтьевна, мы можем говорить всем, что сегодня у графа и графини Галицких состоялась наша с вами помолвка, – заметил тогда мой прадедущка.

– Да уж, пожалуй, – согласилась она. При этом она повертела перед собой свою руку с кольцом и сказала: – Ваш дар, Василий Корнеевич, меня согревает. Я никому о нём ничего не скажу. Одна только Юлия Филипповна не удивится. Она мне его предрекла...

Вот посмотри, Алёша, на ещё одно историческое фото. Это вид с Аничкова моста, с кусочком нашего дома, в сторону Семенцов. Прямо возле моста высятся подъёмные балки, а вся гранитная набережная Фонтанки уставлена пришвартованными к ней дебаркадерами...

Глава 4. Знайте, Василий Корнеевич...

Прошёл год. Вновь наступали белые ночи, теперь уже 1908 года.

Сёстры Ставинские окончили Екатерининский и получили дипломы учительниц с отличием. Но так как в своём институте они отучились не шесть полных лет, а только два года, то ни медалей, ни прекрасных дамских шифров, какой был у тёти Юлии, им не дали.

Все три воспитанника лейб-гвардии Семёновского полка сдали весеннюю сессию Политехнического института за четвёртый курс. Благодаря тщательно выверенной воспитательной программе сыновей лейб-гвардии Семёновского полка, достойной дворян, все они имели самые превосходные манеры. А душой мой прадедущка был так чист, что не мог чисто физически вымолвить слово «дурак».

Весь год, почти каждое воскресенье, Василий Корнеевич и Полина Леонтьевна встречались на Аничковом мосту. Потом они ехали в какой-нибудь театр в кибитке или гуляли по Невскому. И с их первой встречи так повелось, что прадедущка, как бы играя, стал обращаться к прабабушке как у принцессе. Ну, и Полина Леонтьевна всегда была весела, вела себя бойко и также весьма вежливо. Ни о свадьбе, ни о совместном их будущем они особо не говорили.

И вот перед самым началом белых ночей Василий Корнеевич на Аничковом мосту ей сказал:

– Полина Леонтьевна, две недели осталось до нашей свадьбы. И если вы согласны со мною венчаться, то пора уже говорить о делах насущных. Я нашёл для нашей семьи три комнаты на улице Тверской, с отдельным входом, и готов оплатить их за год. Там можно вполне устроить и свадьбу. Мои друзья найдут нам официантов и поваров и сами доставят всё необходимое.

– А давайте, Василий Корнеевич, мы вот как поступим, – всё ещё продолжая свою роль, сказала Полина Леонтьевна. – В грядущий четверг я буду перекрещена в православие. Потом мы отправимся с вами на улицу Тверскую, чтобы я посмотрела на ваши комнаты. Ну, а потом я предложу вам вернуться сюда, на Аничков мост, где покажу вам другой жилищный вариант. Окончательный выбор

жилья я, конечно, оставлю за вами. Даже не знаю, как вам покажется, и потому не спешите пока оплачивать вашу аренду. С моей стороны подготовкою к нашей свадьбе уже занимаются и Галицкие, и моя Амелия. Когда вы примете окончательное решение по жилью, то мы все наши усилия по подготовке к свадьбе объединим.

– Ладно, и ваш вариант посмотрим, – слегка вздохнув, сказал Василий и добавил:
– Вот только задаток за Тверскую я уже отдал...

В одном из православных Храмов Санкт-Петербурга в двенадесятый праздник «Вознесения Господня» моя прабабушка была перекрещена в православие. На улицу Тверскую им можно было весьма хорошо доехать но на конке, но Василий Корнеевич с Полиной Леонтьевной остановили лихого извозчика и с ветерком промчались по городу. И там, в одном из довольно приличных доходных домов, Полина Леонтьевна с загадочной улыбкою неторопливо осмотрела все три комнаты и потом сказала:

– Всё, Василий Корнеевич! А теперь давайте поедem к нашему Аничкову мосту!

Другой подвернувшейся им бричкой правил какой-то «деревенский Ванька», и потому с ним они ехали не спеша.

И вот тогда, под цокот копыт, моя прабабушка у прадедушки спросила:

– А всё-таки скажите мне, Василий Корнеевич, почему вы хотите жениться на мне – бесприданнице? Ещё раз подумайте хорошенько. Ведь и сейчас ещё не поздно всё изменить. Нынче ведь и купеческие дочери бывают довольно образованные и с хорошими манерами...

– Ну полноте вам, Полина Леонтьевна! – сказал ей на это прадедушка. – Деньги деньгами, но сердцу-то ты не прикажешь. Вот великий наш поэт – Александр Сергеевич Пушкин – Наталью Гончарову безо всякого приданого в жены взял и был с нею счастлив. А всё почему? Да потому, что они подходили друг другу. И ещё потому, что она была ему благодарна...

– Ваша правда, Василий Корнеевич, – радостным облегченьем выдохнула она. – Как же это хорошо, что и вы так же, как и я, думаете. Вот по этому самому принципу и я избираю вас! Прошёл уже год, как тётушка Юлия разыграла нас всех, а вас и всего более. Это было несносно, но у неё есть оправдание. Она всё делала как истинная мать. Ваш товарищ Владимир Томилов, как человек умный и рассудительный, потом от Амелии моей отошёл. А вы вот – не отошли, и этим меня совсем приручили. И тогда мне тоже захотелось что-то для вас сделать...

знайте же, Василий Корнеевич, что я вовсе не бесприданница. Мой опекун – дедушка по отцовской линии – имеет свой герб и старинную баронскую корону! Когда наши с Амелией родители умерли, то он переписал всё их состояние на нас – в равных долях. Прошлой осенью я показала поверенному моему свою руку с вашим колечком и сказала: «Подыщите мне дом в Семенцах до белых ночей, и желательно поближе к Фонтанке и к Аничкову мосту». И я хотела уже по весне купить там один, как вдруг стали продавать особняк прямо у Аничкова моста! Мы с Амелией и поверенным весь его внимательно осмотрели и решили, что стоит он даже дороже, чем за него просят. Вот я и купила его.

Однако, Василий Корнеевич, вот мы уже с вами приехали! Помогите мне сойти на наш мост.

Прадедушка сразу же дёрнул извозчика за кушак, тот натянул поводья, и бричка остановилась.

– Вот он, наш особняк, Василий Корнеевич, – самый желтый на набережной, и самый ближний к нам в ряду двухэтажных домов, – с тихой улыбкой сказала Полина Леонтьевна. – И стоит он прямо напротив императорского Аничкова дворца, через Фонтанку! Сейчас наши слуги, вызванные из Белостока, всё в нём к свадьбе готовят. А моя милая Амелия, будто в усадьбе нашей, всем в нём распоряжается. Скоро она домой вернётся, и мы уже знаем, кто её сватать будет...

Вот посмотри, Алёша, какое удалось мне найти прекрасное дореволюционное фото, с аккуратненьким нашим домом, куда входит и первый пролёт Аничкова моста...

В пору белых ночей 1908 года, в одном из больших Храмов состоялось венчание моих прадедушки и прабабушки. Затем Полина Леонтьевна в белом подвенечном платье, и Василий Корнеевич в тёмно-зелёном мундире с золотыми пагонами разъезжали по всему Санкт-Петербургу в белом фаэтоне, украшенным золотым византийским узором. Ту весьма необычную повозку с удивительно мягким ходом Михаил Львович сумел одолжить у одного из князей по случаю свадьбы любимой племянницы жены.

В верхней гостиной дома Андреевых было накрыто большое застолье. В нижней обширной зале весь вечер играл кадрили и вальсы струнный оркестр графини Елизаветы Шуваловой. И что интересно, все её оркестранты пришли со своими инструментами в их дом из Шуваловского дворца пешком, вереницею, пройдя через Аничков мост. Гости натанцевались тот день до упаду.

Все свадебные приглашения Полины и Василия Андреевых были изготовлены печатным способом на плотной розоватой бумаге, с двумя кольцами на фоне общих очертаний их дома, набережной Фонтанки и Аничкова моста. И такие приглашения были отправлены графине Елизавете Шуваловой и генерал-майору Владимиру Шильдеру.

Елизавета Шувалова зашла к ним ненадолго. Она поцеловала в лоб Полину и, стоя за свадебным столом, сказала молодоженам какие-то очень тёплые слова. В качестве свадебного подарка её лакеи внесли деревянный ларец с очень необычным чайным сервизом.

Усатый генерал-майор Владимир Шильдер подкатил на бричке с солдатом-кучером позже. Подняв рюмочку с горькой померанцевой водочкой, он сказал молодым, должно быть, так:

– Дорогие Полина и Василий, поздравляю вас с днём вашего бракосочетания! Без всякого сомнения, вами продолжится благословенный род Андреевых, где в каждом поколении будут офицеры, преданные Богу, царю и Отечеству! Желаю вам житейской мудрости, взаимного понимания и любви. И какие бы северные ветра ни залетали к вам на Фонтанку, пусть этот дом – как кораблик семьи вашей – остаётся всегда на плаву. Счастья, удачи и успехов вам во всём! Горько!!

И все гости ему подхватили: «Горько! Горько!...», и молодые поцеловались.

Потом генерал добавил:

– Василий Корнеевич, своими успехами вы немало порадовали меня. И если у вас по службе или по жизни, когда-нибудь, будет загвоздка, то вы можете обратиться ко мне лично, где ни найдёте. Никакого отказа вам, как сыну лейб-гвардии Семёновского полка, а посему, и моему сыну, – не будет!

Сегодня утром на построении лейб-гвардии Семёновского полка было объявлено, что через три дня его примет новый командир. Армейская рутина не для меня. И потому я давно уже подал в Военное министерство прошение о переводе меня на воспитательную работу. И оно было удовлетворено. Согласно новому назначению я буду служить инспектором пажеских корпусов...

После двухдневного свадебного торжества семейная жизнь у прадедушки и прабабушки пошла своим чередом. К лету 1909 года Василий Корнеевич окончил политехнический институт и получил совершенно уникальную по тем временам специальность – инженер-механик.

Затем все три сына лейб-гвардии Семёновского полка сдали в одном из юнкерских училищ, в общем-то, несложные военные экзамены. На всеобщем построении полка, в присутствии представителей Гвардейского штаба, новый полковой командир семёновцев – генерал-майор Илья Кульнев зачитал приказ Военного министра о присвоении Василию Андрееву, Александру Синицыну и Владимиру Томилову первого офицерского чина подпоручика и вручил каждому отливающие золотом погоны.

По желанию своему Василий Андреев остался служить в лейб-гвардии Семёновском полку. А вот Александр Синицын и Владимир Томилов сами добились перевода в Главное военно-техническое управление Генерального штаба, в отдел развития российских военно-воздушных сил. Но в те годы, убелённые сединою русские генералы считали аэропланы оружием малоэффективным, и поэтому авиационный отдел имел тогда весьма скромные средства.

В 1912 году за отличное несение караульной службы в Зимнем дворце мой прадедушка получил грамоту, лично подписанную императором Николаем II. В том же году ему было присвоено и очередное воинское звание поручика.

К 1914 году в семье Андреевых уже было четыре дочери – Вера, Надежда, Любовь и Софья и два сына, Александр и Вячеслав. Однако Вера и Любовь в малолетстве умерли и были похоронены на Петербургской земле.

Помог ли Василию Корнеевичу святой Серафим Саровский встретить Полину, или вышло это как-то случайно, прадедушка точно не знал. Но когда у него заводились свободные деньги, то он – во исполнении своего обещания в Зимнем Дворце – отыскивал и покупал самые лучшие старинные иконы. Большой иконостас для них в своей комнате он изготовил сам. Да ещё до своей свадьбы он несколько самых лучших икон купил.

А когда к прадедушке приходили его многочисленные друзья или из инженеров или из военных, он им про каждую икону свою что-то рассказывал, и говорил, что-то в таком духе:

– Святая Русь – это та часть Руси, которая живёт свято. Церковь – это сообщество всех людей и всех ангелов, живущих с Богом. Вера – это самое важное, что у нас осталось, и помощь Божию получают те только, кто искренне верят... Во время молитвы на нас нисходит Божественная Благодать. И даже момент смерти быть может прекрасным...

Все иконы, доставшиеся нам от нашего прадедушки, вставлены в одинаковые, довольно широкие оклады с уникальную резьбой. Три его иконы, а также Библия

с ятями – с которой он всю жизнь сверял свою совесть – через мою бабушку и маму достались мне. Сейчас они в самом центре моего иконостаса стоят. Вот эти иконы: Богородица Тучная гора, Николай Угодник и Святomученица Варвара. Ещё два набора по три иконы Василия Корнеевича: один вместе с серебряным распятием, а другой с длинными тёмными четками – достались двум другим очень верующим семьям нашего рода, живущим в Пензе.

Вот посмотри на нашу общую фотографию, где мы держим в руках шесть пензенских икон. Две самые большие из них – это Сам Спаситель и святой Серафим Саровский...

Нам известно, что в 1912 году графиня Елизавета Шувалова вновь пригласила Полину Леонтьевну и Василия Корнеевича в Шуваловский дворец на «Розовый бал». Это было самое грандиозное событие в светской жизни Санкт-Петербурга за несколько лет. Приглашённые танцевали всю ночь.

А в феврале 1914 года мои прадедушка и прабабушка получили приглашение на «Зимний бал», теперь уже в Аничков дворец от вдовствующей императрицы Марии Федоровны. Матушка Николая II устроила этот бал в честь своих старших внуков – Ольги и Татьяны. Бал тот закончился в половине пятого утра...

Но сам император Николай II на бал тот не явился. А императрица Александра Федоровна была на нём очень недолго. Сразу же после польского она покинула бальный зал и уехала. И в Санкт-Петербурге, в высшем обществе, эта деталь поразила всех. Все представители высшего света тогда восклицали:

– Как же мать, выводящая своих дочерей в свет, покидает бал, на котором они танцуют?! Как может такое быть?